

УДК 343.8-051

ФЕДОР ВЛАДИМИРОВИЧ ГРУШИН,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: fedor062@yandex.ru

**ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ НАУКИ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И НЕ ТОЛЬКО...
ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРОМ, ЗАСЛУЖЕННЫМ ДЕЯТЕЛЕМ НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВИЧЕМ СЕЛИВЕРСТОВЫМ
(К 70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)**

Для цитирования

Грушин, Ф. В. Об актуальных вопросах развития науки уголовно-исполнительного права и не только... Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Вячеславом Ивановичем Селиверстовым (к 70-летию юбилею) / Ф. В. Грушин // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16 (1–4), № 3. – С. 377–385.

Краткая биографическая справка

Селиверстов Вячеслав Иванович, родился 30 ноября 1951 г. в г. Бийске Алтайского края. В 1974 г. окончил юридический факультет Томского государственного университета. В 1982 г. в Академии МВД СССР защитил кандидатскую диссертацию на тему «Правовое положение лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества», в 1992 г. в Академии МВД России – докторскую диссертацию на тему «Правовое положение лиц, отбывающих уголовные наказания: теория и прикладные проблемы».

Опубликовал свыше 500 научных и учебно-методических работ, включая монографии, учебники, учебные пособия, комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации, Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, федеральным законам. Автор ряда статей в Большой российской энциклопедии. Под научным руководством (консультированием)

© Грушин Ф. В., 2021

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В. И. Селиверстова подготовлены и защищены 25 кандидатских и 7 докторских диссертаций (2 – PhD).

С 1988 г. входил в авторский коллектив ученых по подготовке доктринальной модели Основ уголовно-исполнительного законодательства. С 1994 по 1996 год был руководителем авторского коллектива по разработке проекта УИК РФ, который был принят в 1996 г. С 1994 по 1996 год работал в составе авторского коллектива над Модельным уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации стран Содружества Независимых государств, который был принят в 1996 г. Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ (г. Санкт-Петербург).

В. И. Селиверстов – участник проведения в 1999 г. 7-й специальной переписи осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей. В 2008–2009 гг. под его научным руководством проведена 8-я специальная перепись осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей.

Неоднократно привлекался в качестве эксперта при подготовке уголовно-исполнительных кодексов и других законов в странах СНГ. Представлял российскую науку при обсуждении проблем исполнения уголовных наказаний в комитетах и комиссиях ООН и Совета Европы, парламентах Российской Федерации и стран СНГ, на зарубежных международных конференциях, конгрессах, стажировках и семинарах.

Работал в международной группе Совета Европы по реформированию пенитенциарной системы России (1996–2006 гг.), председателем Общественного совета при ФСИН России по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы (2007–2008 гг.). Состоит членом президиума Российского научно-пенитенциарного общества (с 2008 г.), Союза криминалистов и криминологов (с 2010 г.), является экспертом комитетов Государственной Думы (с 2004 г.) и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (с 2004 г.), Общественной палаты Российской Федерации (с 2009 г.), Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (с 2010 г.), членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ (с 2014 г.). Был членом рабочей группы Минюста России по реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (2014–2020 гг.).

Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1997 г.), действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса (2001 г.).

С 1979 по 1992 год – адъюнкт, преподаватель, доцент и профессор в Академии МВД СССР, с 1993 по 2000 год – заместитель начальника ВНИИ МВД РФ по научной работе, с 2000 по 2006 год – начальник управления государственной защиты прав человека в аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, с 2006 по 2008 год – ректор Московского института права, с 2008 по 2010 год – начальник НИИ ФСИН России.

С 2010 г. и по настоящее время – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Одновременно является научным руководителем Научно-образовательного центра «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского.

Интервью

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, первый и достаточно традиционный вопрос: как Вы пришли в юриспруденцию, в правоохранительные органы?

Селиверстов В. И.: Я родился в Сибири, в городе Бийске Алтайского края. Папа, потомственный сибиряк, работал на заводе токарем, а мама трудилась в годы войны

сначала на железной дороге, а затем бухгалтером в следственном изоляторе г. Бийска. Помню сейчас его номер – ИЗ-17/2. Я часто бывал в этом следственном изоляторе, хотя это режимное учреждение, но меня, как сына бухгалтера, пускали в административный корпус. Старинное здание следственного изолятора, еще дореволюционное, и очень богатая библиотека. В городской библиотеке нельзя было взять те книги, которые меня интересовали, – фантастика, путешествия и др., а в тюремной библиотеке все это было. Я все это через маму брал, читал и перечитывал. Профком следственного изолятора курировал мою учебу (была такая практика в советское время, кстати, неплохая), меня неоднократно поощряли за успехи то новым ранцем, то набором ручек и карандашей. И уже в школьном возрасте я поездил в автозаке, нас, ребят и девочек, отвозили на нем в пионерский лагерь под Бийском (других автомашин в СИЗО не было, были еще две повозки с лошадьми, но на них долго пришлось бы добираться). Не знаю, может быть, от того, что меня повозили в этом автозаке, может быть, вследствие других причин – под влиянием книг, кино, телевидения, которое только что стало приходить в дома бийчан, но мне захотелось заниматься как раз вопросами восстановления справедливости, охраны правопорядка, борьбы с преступностью. В девятом классе поступил в комсомольский оперативный отряд города Бийска.

Грушин Ф. В.: Это аналог дружины?

Селиверстов В. И.: Да, наверное, дружины, но он считался оперативным отрядом горкома комсомола. Права были чисто общественные, мы помогали милиции в обеспечении правопорядка на танцплощадках и других молодежных мероприятиях. В журнале «Советская милиция» за 1969 г. была даже моя фотография как одного из активных оперативников г. Бийска. Под влиянием всех этих факторов сложилось желание пойти учиться на юриста. Желание было четкое, хотя у меня достаточно неплохо шла математика, физика, и меня даже как-то «сватали» на физико-математический факультет в Бийском педагогическом институте. Но я поехал в Томск, в Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева, и там поступил на юридический факультет.

Грушин Ф. В.: Наверное, это было непросто?

Селиверстов В. И.: Да, 12 человек на место. Я набрал 12 баллов, при проходном балле 13. Взяли меня кандидатом в студенты. После первой сессии сдал все экзамены на отлично, и меня зачислили в студенты. Наш курс был очень сильный, со мною вместе учились будущие доктора юридических наук, профессора Юрий Владимирович Голик, Юрий Константинович Якимович, Сергей Анатольевич Капитонов. На курсе ниже учился профессор Олег Вадимович Филимонов, а еще двумя курсами ниже – профессор Владимир Александрович Уткин. Вот такая своеобразная уголовно-правовая и пенитенциарная когорта!

Став студентом, я вновь вошел в оперативный отряд Томского горкома комсомола по борьбе с карманными кражами, а затем и возглавил его. В нашем оперотряде ловил карманников и Юрий Голик, а вот Владимиру Уткину эта сфера общественной деятельности не приглянулась, он сразу потянулся в науку.

Грушин Ф. В.: Поймали кого-нибудь?

Селиверстов В. И.: За время учебы и тот период, когда я активно работал в составе оперативного отряда, у меня было больше 60 задержаний за карманные кражи, причем довольно экзотических и интересных задержаний.

Грушин Ф. В.: Может быть, один какой-нибудь случай расскажете?

Селиверстов В. И.: Могу рассказать про один случай. Например, как я привез в отдел милиции за карманную кражу одного гражданина в начале первого часа ночи.

Грушин Ф. В.: Как же Вы его поймали, Вы один были?

Селиверстов В. И.: Да, задерживал я один, а привез, как полагается, с потерпевшей и свидетелями. Самое главное, после полуночи, в начале первого. В дежурной части милиции спросили, ты где его взял, транспорт полупустой ходит, магазины закрыты (в то время круглосуточных магазинов не было). Где можно было взять за карманную кражу? Дело было так: я как раз после занятий в университете в городе работал вместе с моими коллегами по отслеживанию карманных воров, а потом решил пойти в кинотеатр. В Томске был кинотеатр имени Максима Горького, пошел на последний сеанс в десять часов вечера. Шел польский детектив, достаточно скучный, и зал был где-то на треть заполнен. Когда я занял перед началом сеанса свое место, вижу, заходят два наших «клиента».

Грушин Ф. В.: А Вы их уже сразу определяли?

Селиверстов В. И.: Ну, конечно, мы их знали, нас ориентировали на них, что именно они занимаются карманными кражами. И вот зашли эти два клиента, и я их на заметку взял. Закончился фильм, стали все выходить, и один из них начал «работать» и вытащил кошелек из кармана пальто девушки-студентки, которая в толпе выходила из зала. Я схватил его за руку, поднял руку вверх с кошельком, подозвал потерпевшую. Хорошо, что она откликнулась и подошла, потому что если не будет потерпевшего, то все усилия бесполезны. А второй, который с ним был (я думал, что будет сопротивление или еще что-то), просто убежал.

Грушин Ф. В.: Не сопротивлялся?

Селиверстов В. И.: Мне помогли два военных курсанта, я их попросил. Они свидетелями, кстати, были, понятыми при изъятии кошелька. Вот это один из экзотических случаев, когда инспектор уголовного розыска говорит: «Откуда ты его взял?» Ну вот так получилось.

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, после окончания университета Вы работали следователем. Как складывалась Ваша карьера?

Селиверстов В. И.: Да, сначала следователем Кировского отдела милиции, через два года следователем следственного управления, УВД, затем старшим следователем по особо важным делам следственного управления и через пять лет после окончания университета с должности старшего следователя по особо важным делам я поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР.

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, тогда вопрос: следственные действия – это больше уголовный процесс, уголовное право, почему все-таки уголовно-исполнительное, ну тогда еще исправительно-трудовое право? Как Вы пришли в нашу сферу?

Селиверстов В. И.: В годы обучения в Томском университете я занимался в студенческом кружке у профессора Александра Львовича Ременсона по исправительно-трудовому праву. Готовил научные доклады, в том числе по истории регламентации права на свидание у осужденных в царских тюрьмах и по другим темам, и докладывал на студенческом кружке. Да и учился я достаточно хорошо, недаром получал повышенную стипендию. После окончания университета связи с факультетом не потерял, часто выступал рецензентом по дипломным работам, брал на прохождение практики выпускников. Все это было учтено, когда в 1979 г. томский профессор Александр Ильич Зубков, перешедший на работу в Москву, в Академию МВД СССР, пригласил меня поступать в адъюнктуру академии.

Александр Ильич сыграл ключевую роль в моей научной судьбе, он решил вопрос с переводом в академию и помог адаптироваться на новом месте работы, став моим

научным руководителем по кандидатской диссертации, а затем – научным консультантом по докторской диссертации.

Грушин Ф. В.: Наверное, Вас не хотели отпускать?

Селиверстов В. И.: Да. По советским меркам того времени карьера была неплохая: за пять лет от следователя до старшего следователя по особо важным делам. Я имел в то время звание старшего лейтенанта, а потолок был подполковника. Но отпустили, и я уехал.

Грушин Ф. В.: Вот Вы сказали, А. И. Зубков, понятно, это Ваш научный руководитель и научный консультант. Вместе с тем, кроме А. И. Зубкова, может быть, могли бы Вы назвать людей, которые оказали влияние на Ваше становление как ученого, как педагога?

Селиверстов В. И.: Если говорить о томском периоде, то я отмечу профессора Александра Львовича Ременсона, впоследствии одного из моих оппонентов по кандидатской диссертации (1982 г.). Лекции его я слушал всегда с интересом, он никогда не читал по бумажке. Приходил и начинал лекцию от порога. Говорил простым языком, хотя его докторская диссертация в двух томах (в то время допускался такой объем) была написана на высоком теоретическом и методическом уровне. Отмечу также профессора Вадима Донатовича Филимонова, который был научным руководителем моей дипломной работы по теме «Проблема случайного преступника».

Грушин Ф. В.: А в Академии МВД СССР, когда уже в адъюнктуре были?

Селиверстов В. И.: Когда учился, а затем работал на кафедре, то контактировал с целой плеядой известных ученых-пенитенциаристов. Это, как я уже сказал, мой научный руководитель и консультант профессор Александр Ильич Зубков. Это также профессора Николай Алексеевич Стручков, Алексей Емельянович Наташев, Игорь Викторович Шмаров, Александр Соломонович Михлин, Михаил Петрович Мелентьев, Виктор Петрович Артамонов, Игорь Андреевич Сперанский, Леон Григорьевич Крахмальник и многие другие. Могу назвать также первого начальника нашей тюремной кафедры профессора Геннадия Анисимовича Туманова (впоследствии его сменил профессор А. И. Зубков), оказавшего большое влияние в плане воспитания личной дисциплины и общения с коллегами. Был настоящий военный интеллигент и ученый.

Грушин Ф. В.: Спасибо, Вячеслав Иванович, следующий вопрос. Как Вы считаете, какие направления в современном уголовно-исполнительном праве наиболее актуальны, что требует повышенного внимания?

Селиверстов В. И.: Считаю, что по-прежнему востребованы и догматика, и социология уголовно-исполнительного права. В числе последнего направления следует отметить проведение социологических исследований по изучению личности осужденных, их поведения во время отбывания наказания. В качестве примера можно привести периодически проводимые в нашей стране специальные переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Огромная заслуга в их проведении принадлежит профессору А. С. Михлину. Кстати, есть обнадеживающие сведения о том, что девятая специальная перепись, которая должна была состояться в 2020 г., но откладывалась из-за пандемии коронавируса, все-таки пройдет в 2022 г. Директор ФСИН России А. П. Калашников дал положительный ответ на просьбу ректора МГУ имени М. В. Ломоносова академика В. А. Садовниченко о проведении этого мероприятия. В рамках таких исследований необходимо оценить появившуюся тенденцию сокращения численности осужденных в местах лишения свободы. С одной стороны, это, несомненно, позитивный результат, с другой – вызов уголовно-исполнительной системе, и на него необходимо реагировать.

Грушин Ф. В.: Как Вы думаете, это все-таки искусственный процесс или стали лучше работать правоохранительные органы?

Селиверстов В. И.: Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно целое исследование провести. Но мое мнение такое, что это 50 на 50. С одной стороны, установка в рамках уголовной политики на то, чтобы сокращать осуждение к лишению свободы, с другой – есть определенные объективные основания для сокращения осужденных в местах лишения свободы. Например, с точки зрения того, что не столь ценна стала собственность. В советское время утащат, например, штаны у человека или брючный ремень – возбуждали уголовное дело. Я сам расследовал эти дела, помню, как старенькую бритву утащили или еще что-то из домашней утвари. В настоящее время люди в своем большинстве стали материально лучше жить. Человек не так держится за эту собственность: говорит – утащил штаны, ну возьми еще ремень к моим штанам, заявлять не буду. Собственность, особенно ширпотреб, в определенной степени подешевела. А это отсекает довольно значительный слой мелких краж, да и законодательство было изменено в этом отношении. Кроме того, внедрены новые системы охраны, граждане стали более защищенные в своем жилище, появились железные двери и т. д. Стало труднее проникать и воровать.

Грушин Ф. В.: Ту же машину сложнее угнать...

Селиверстов В. И.: Страхование было введено, преступник понимает, что ему придется иметь дело не с конкретным человеком, которого можно было запугать, а со страховщиками, которые выплатили страховку и, как говорится, «спуску не дадут». Вот это, видимо, повлияло, поэтому сокращение и числа регистрируемых преступлений, и направления в места лишения свободы. О латентности не говорю, это отдельный вопрос.

Грушин Ф. В.: Это одно из направлений, еще, может быть, что-то актуально в последние годы? Например, наказания, не связанные с изоляцией от общества, может быть, электронные системы мониторинга или они уже себя изживают?

Селиверстов В. И.: Вот нет, электронные системы мониторинга не изживают себя, они еще долго будут востребованы, дело только в укреплении этой службы в организационном, штатном и материально-техническом плане. Работники уголовно-исполнительных инспекций рассказывают, что бывают такие моменты, когда меру пресечения избирают, например, домашний арест с электронным наблюдением, и они едут к другому такому же подозреваемому, снимают с него электронный браслет и надевают на первого, потому что их не хватает. В отношении этой службы актуальным является выделение материальных ресурсов. В этом деле опыт Казахстана очень может пригодиться. У них существенно сократилось число осужденных, отбывающих лишение свободы: в настоящее время они на 99-м месте в мире по этому показателю. На уровне президента Казахстана было принято решение о том, что высвобождающаяся численность персонала при сокращении случаев лишения свободы передается в систему пробации. Вот это нам надо перенять.

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, последняя информация есть, что будет внутри перераспределение во ФСИН России и сейчас УИИ должны получить более-менее значимое увеличение штатной численности за счет как раз системы исправительных учреждений. А в целом Вы поддерживаете введение службы пробации?

Селиверстов В. И.: Дело не в названии. Можно оставить и уголовно-исполнительные инспекции и расширить их функции соответственно. Когда говорят о пробации, это определенная уступка применительно к европейским международным документам, где есть пробация и правила ее осуществления. Название можно оставить, а можно изменить,

учитывая, что мы должны показать европейцам, что не во всем мы с ними расходимся, в чем-то мы с ними соглашаемся. Это политика во взаимоотношениях с ними. А что касается функций этой будущей службы, то расширение полномочий я поддерживаю, но при определенной этапности их введения. Об этом я говорил в Казахстане, когда обсуждали проект казахстанского закона о пробации. Важно на первоначальном этапе не перегрузить новую службу функциями, иначе пробация может дать отрицательный эффект. Там, в Казахстане, западные эксперты из Голландии, Норвегии, Германии настаивали на том, чтобы были переданы казахстанской службе новые дополнительные функции. Мне пришлось привести пример из нашей истории. Когда летчик Чкалов летел в Америку, то его провожали на аэродроме главный авиаконструктор Туполев и еще ряд причастных к организации перелета лиц. Когда самолет разбежался по взлетной полосе, эти лица спорили: взлетит или не взлетит, так как самолет был перегружен. И он взлетел и оторвался от земли. Так вот, для того чтобы со службой пробации не гадать, взлетит или не взлетит, нужно идти этапами.

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, как Вы оцениваете сегодняшнее состояние уголовно-исполнительной науки? Как ее улучшить или все у нас хорошо?

Селиверстов В. И.: В развитии нашей науки, если брать количественные показатели, наблюдается определенное отставание от науки уголовного права и криминологии. Есть объективные причины этому: уголовно-исполнительное право преподается не во всех гражданских вузах, поэтому большая часть выпускников стремятся заняться наукой уголовного права и криминологией, а не уголовно-исполнительным правом. Наша наука в основном развивается в ведомственных образовательных и научно-исследовательских учреждениях ФСИН России. Среди «гражданского сектора» Томский университет сохраняет свои позиции, в Московском университете действует Научно-образовательный центр «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского. Есть отдельные ученые, которые работают в других высших учебных заведениях. Я всегда говорю о том, что нам нужно не «лоскутное одеяло» в развитии науки, не отдельные центры. Нужны определенные последовательные шаги, чтобы в каждом областном центре был специалист в области уголовно-исполнительного права, который преподавал бы в университете эту дисциплину и занимался бы пенитенциарными проблемами не от случая к случаю, а постоянно. К сожалению, это не всегда получается. Я уже говорил о том, что очень широкие расстояния получаются. Необходимо, чтобы было больше представителей науки уголовно-исполнительного права, и я стараюсь эту задачу решать.

Грушин Ф. В.: Успешно справляетесь, Вячеслав Иванович! Давайте вернемся к отношениям с Западом. Сейчас у нас очередное обострение происходит и все больше слышно таких высказываний – давайте вообще прекратим сотрудничество, например, с Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ). Многие говорят, и, может быть, это правильно, что решения политизированные. Как Вы считаете, все-таки надо ли продолжать сотрудничество с ЕСПЧ?

Селиверстов В. И.: Я не сторонник радикальных позиций, радикальных шагов и в одной из своих статей написал об этом. У нас есть конституционный механизм неисполнения решений Европейского суда. Если решение политизировано и противоречит конституционным нормам, Россия может не исполнять данное постановление. Вот сейчас последнее решение появилось по гендерному вопросу, целесообразность исполнения которого необходимо оценить.

Грушин Ф. В.: А это устроит ЕСПЧ?

Селиверстов В. И.: В отношении других вопросов, там, где мы видим, что у нас проблемы с обеспечением прав человека, мы же не идем на конфронтацию, на невыполнение решений ЕСПЧ. Например, последние изменения законодательства, когда разрешили длительные свидания осужденным к пожизненному лишению свободы, уточнили места отбывания лишения свободы, основания для перевода осужденных, были приняты под влиянием решений ЕСПЧ. Появление в УИК РФ ст. 12.1 (Право на компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении) во многом произошло под влиянием ряда решений Европейского суда. А вот по вопросам, которые нас не устраивают, которые являются излишне политизированными, мы можем принять решения об отказе в их исполнении. Устроит ли это ЕСПЧ? Это другой вопрос, это вопрос ЕСПЧ. Если они захотят принять решение, это будет их решение, а не наше. Нам первыми прекращать сотрудничество с ЕСПЧ, как мне представляется, не следует, надо идти именно тем курсом, который мы определили. Пусть они сами, если решатся на это, будут инициаторами и исполнителями радикальных решений о разрыве отношений с Россией.

Грушин Ф. В.: Все прекрасно знают, что Вы были руководителем научного коллектива по подготовке Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Соответствующая монография была выпущена, которая пользуется спросом. По прошествии определенного периода, как Вы считаете, что нам делать с Уголовно-исполнительным кодексом – принимать новый или продолжать править старый (там уже более 90 правок внесено)?

Селиверстов В. И.: Новый УИК РФ завязан на новый УК РФ. Есть опасения в том, что новый Уголовный кодекс наша правоохранительная система не выдержит. Эту позицию аргументирует профессор Анатолий Валентинович Наумов, и эта аргументация достаточно убедительна. Хотя в принципе возможна новая редакция УИК РФ без изменения системы наказаний. Тогда нет необходимости в новом УК РФ. Регламентация ряда отношений в УИК РФ не зависит от норм уголовного закона. Например, вопросы правового статуса осужденных; вопросы, связанные с контролем за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания. Просто один пример. Есть у нас статья 24 УИК РФ, которая определяет, кто имеет право без специального на то разрешения посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, в том числе исправительные учреждения. Однако конкретики нет. Получается, посещение ради посещения. Что они там могут делать? Могут ли они провести прием по личным вопросам, могут ли они ознакомиться с документами и т. д.?

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, такой вопрос. Наш журнал читают адъюнкты аспиранты, соискатели, которые готовят диссертации, некоторые только приступили к подготовке. Что бы Вы им посоветовали, может быть, из личного опыта, в плане подготовки диссертации?

Селиверстов В. И.: Мой опыт уже, наверное, устарел, у меня до сих пор лежат три общие тетради, которые я исписал при подготовке диссертации, конспектировал, писал, делал пометки. Берется тетрадь, делится пополам по вертикали. Слева пишется конспект, а справа – свои какие-то замечания, рассуждения. Хочу отметить, что когда конспектирование вручную происходит, то текст легче запоминается. Сейчас электронная техника, и этим приемом практически не пользуются.

Однако хотел бы посоветовать обратить внимание на подготовку программы диссертационного исследования, это, кстати, важно и для научных руководителей. Сейчас программы исследований по диссертациям упрощенные. В наше время программа

подготовки диссертационной работы была как небольшое научное исследование, она содержала цели и задачи исследования, выдвижение гипотез, определение источников, с помощью которых могут быть подтверждены или опровергнуты эти гипотезы, выбор методов исследования, детальные параметры эмпирических исследований – откуда, где брать материалы, в каком объеме. К программе исследования обязательно прилагались анкеты, опросные листы и другой инструментарий.

Когда исследуют по уголовному праву какую-то проблему, связанную с привлечением к уголовной ответственности, нередко описывают в тексте диссертации уголовные дела: в этом уголовном деле так решился вопрос, в другом – по-другому. Обычно я это сравниваю с практикой наших среднеазиатских аксакалов, которые, когда едут по пустыне на коне или на верблюде, поют песню. О том, что видят, о том и поют: видят дерево, поют – вижу дерево; видят скалу, поют – вижу скалу. И в диссертациях (конечно, не во всех, а в отдельных) бывает так же: в этом деле уголовном так, в этом не так. В диссертационном исследовании должно быть обобщение, должна быть анкета на уголовные дела, должно быть определено, из каких регионов уголовные дела изучить и по каким преступлениям. Это должна быть либо полная выборка, либо какая-то региональная выборка. Затем в процентах, как решили тот или иной вопрос в этих делах. Должно быть обобщение, а не примеры того, как судья написал в приговоре суда. Это в данном случае только один аспект.

Меня беспокоят диссертации по сравнительно-правовым проблемам. Берется какая-то одна или две зарубежные страны, описывается та или иная правовая проблема. Спрашиваю диссертанта: «А почему вы взяли эти две страны?» Ответ: «Потому что я знаю язык этих стран или просто нашел переводной материал». Ну ладно, нашли материал, знаете язык, описали, но, самое главное, диссертация по сравнительно-правовым проблемам не должна заканчиваться описанием того, что есть в правовых системах рассматриваемых стран. Должна быть соответствующая глава о том, какие положения можно внедрить в Россию, опять же с учетом опроса практических работников, может быть, осужденных, может быть, судей и т. д. Воспримут ли они предлагаемые зарубежные изменения или нет. Фактически сравнительно-правовая диссертация должна состоять из двух частей, может быть даже равных. Одна часть зарубежная, другая российская. Российской части в подобных диссертациях, к сожалению, нередко не встречаешь.

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, в завершение, если позволите, такой вопрос. Как Вы отдыхаете? Как Вы боретесь с плохим настроением, если оно у Вас бывает?

Селиверстов В. И.: Плохое настроение – что-то не помню такого. Плохое настроение – садись за компьютер, и оно сразу улечивается. Как отдыхаю? На даче, яблоки, груши, сбор урожая – это тоже отдых, изменение вида деятельности, как своеобразный способ отдыха. Из видов отдыха – это, конечно, рыбалка, но на ней устаешь больше, зато впечатлений и воспоминаний на весь год хватает.

Грушин Ф. В.: А устаете, когда клюет или когда не клюет?

Селиверстов В. И.: А в любом случае, и когда клюет, и когда не клюет. Во-первых, приходится рано вставать, в три ночи уже на ногах. Во-вторых, все-таки помахать удочкой, забрасывая приманку метров на пятьдесят-семьдесят, тоже отнимает силы. А там еще берег обрывистый, нужно вниз идти, потом наверх. Нагрузка серьезная. И несмотря на все трудности, это мой любимый вид отдыха, отвлечение от повседневных дел. Закончу это интервью и поеду на рыбалку отдыхать!

Грушин Ф. В.: Вячеслав Иванович, спасибо Вам большое!

Селиверстов В. И.: Спасибо Вам!